

ВЛАДИМИР УЙБА:

Если к тебе относятся с доверием – это дорогого стоит

2 апреля исполнилось два года, как Владимир Уйба приступил к руководству Республикой Коми. В эксклюзивном интервью глава региона рассказал, как происходило его знакомство с этой землей, чем его удивили жители Коми, почему пресс-релизам он предпочитает видеоролики и лично общается с населением через смс. А также – об арктических перспективах, развитии здравоохранения, строительстве, и том, как на его взгляд будут развиваться Россия и Коми в условиях санкций.

– Полагаю, для вас весьма неожиданным было предложение президента России поехать в Коми в качестве врио главы республики. Как вы отнеслись к этому, были ли сомнения?

– Да, безусловно, предложение это было сделано внезапно. Но поскольку его сделал президент страны Владимир Путин, отнесся, как всегда: принять с благодарностью. Потому что подобные предложения – это всегда подтверждение доверия, просто так кому-либо возглавить регион не предлагают. Доверие президента дорогого стоит. Естественно, я ответил, что принимаю предложение, благодарю за доверие. Таково мое отношение к поручениям президента.

– Между вашим согласием на это предложение и указом о назначении прошло очень мало времени, сутки с небольшим. Как для вас прошли эти сутки? Признайтесь, гуглили, в чем особенности региона, спрашивали у знакомых, коллег, тогдашнего непосредственного начальника по мин-здраву Михаила Мурашко – выходца из нашей республики?

– Так и было. О Коми, как я неоднократно говорил, до этого знал, в основном, по рассказам своих сокурсников по медицинскому институту. Конечно, начал смотреть, что за республика. К Михаилу Альбертовичу я сразу зашел, потому что надо было решить вопросы с передачей дел, ведь тогда началась пандемия коронавируса, а я был руководителем штаба. И, конечно, спрашивал, что за регион Коми, что за люди в нем живут. Общались мы с ним достаточно долго.

– Практически сразу после прибытия вы начали ездить по районам, в том числе по самым отдаленным северным. Что особенно запомнилось из тех первых недель работы, когда вы только начинали знакомиться с Коми?

– Первые поездки были связаны с большим наводнением, ездил в те районы, что под него попали. И как шла вода – от Прилузья до Усть-Цилемского района, так я за ней и ездил. Нужно было общаться с людьми, смотреть, как выстроена система защиты, насколько на местах готовы к тому, что люди могут оказаться отрезанными от дорог, насколько население обеспечено самым необходимым. Поэтому первые впечатления связаны именно с этой большой водой.

Усть-Цилемский район меня тогда особенно поразил, где Печора разлилась во всем своем величии. Я приехал в Среднее Бугаево, и первое, что услышал от местных: «Если вы приехали нас переселять, сразу говорим – переселяться не будем!». А я смотрю – кругом море воды, в некоторых домах окна наполовину, а то и целиком под водой. Школа там деревянная образца 50-х годов прошлого столетия, подтапливалась не раз. Спрашиваю: «А как вы здесь живете-то? Все же залито?». Отвечают: «Ничего, как пришла Печора, так и уйдет, все просушим, будем жить дальше. Школу только помогите подремонтировать, а лучше постройте новую». Меня поразил сам подход этих людей: здесь наша земля, здесь наши предки похоронены, мы никуда не уедем, детей ни в какие интернаты не отдадим, потому что они должны жить с родителями. С одной стороны, для меня это было удивительно, потому что чаще люди стараются переехать из проблемных мест. С другой – я почувствовал большое уважение к этим людям. Это какая-то генетическая любовь к земле, реке, несмотря на все сложности – ведь имущество надо спасать от затопления, на чердак поднимать, скот как-то устроить и обиходить. И все это может продолжаться не день-два, а месяц. Печора залила все, а они ее все равно матушкой называют. И ведь дома новые строят в селах, причем с учетом будущих паводков – с высоким бетонным фундаментом, а верх деревянный.

И вторая история, которая меня поразила тогда, была в Ижме. Перед этим как раз обсуждался вопрос – открывать весеннюю охоту или нет. Пандемия. Мы посчитали, сколько к нам может приехать охотников из других регионов. Привезут нам дополнительно вирус, будет подъем заболеваемости, а у нас и так уровень высокий. Дилемма была страшная. Тем не менее, нашли возможности в законе разрешить охоту для тех, кто живет на этой территории. И везде, куда бы мы ни приезжали, люди были очень благодарны, потому что охота – это сторона жизни, которая очень важна для местных. И вот приехали мы в Ижму. Любовь Терентьева, которая тогда была руководителем администрации района, угощает нас дикой уткой, которую добыл ее сын, она сама ее приготовила. А утка для коми – это же очень важный, священный символ, связанный с сотворением земли, появлением людей.

Я сначала и не придавал этому значения, удивился только, что утка сварена с головой, говорю, что не время обедать еще, давайте лучше поработаем. Смотрю, лица у хозяев стали такие настороженные. Министр национальной политики Галина Габушева мне шепчет: «Вы что?! Даже не думайте отказываться! Если в республике преподносят утку – значит, открывают свое сердце, с доверием подходят». А утка, сваренная вместе с головой, которую подносят гостю – знак большого уважения. В общем, отведал я этой утки, и до сих пор часто вспоминаю эту поездку. Я тогда понял, какие особенные люди коми-ижемцы, если они к тебе относятся с доверием – это дорогого стоит. А ведь это было самое начало моей работы в Коми.

– Практически с первых дней в регионе вы начали применять нестандартные методы донесения информации до населения. В частности, начали записывать видеообращения. Почему вам такой метод ближе стандартных релизов? Ведь можно просто передать информацию пресс-службе, которая все откорректирует, а на камеру работать тяжелее, возможны оговорки из-за волнения.

– Да, оговорки бывают, но это же не прямая съемка, есть возможность перезаписать. А формат таких живых видеообращений, на мой взгляд, лучше релиза, потому что люди меня видят, видят мой настрой. Мне кажется, у людей от этого лучше складывается понимание ситуации. Поначалу этот формат был выбран потому, что была острая ситуация с коронавирусом, людям нужно было доносить через экран оперативную и достоверную информацию, свое отношение к ситуации, а потом как-то подтянулись другие темы. Был какой-то момент, когда мы сделали перерыв, тем более, что число просмотров таких обращений снизилось. Решили, что хватит. Но прошло около месяца и пошли вопросы: «А что происходит? Почему больше нет обращений? Куда глава девался, он вообще на работе?». Я понял, что это стало очень важной частью моей жизни и работы в республике, и для людей это тоже важно.

– Прошлой осенью вы еще и «рассекретили» свой личный номер телефона, призвав жителей Коми обращаться к вам напрямую. Большинство тогда решило, что это все же номер кого-то из ваших помощников.

– И до сих пор не верят. Иногда бывает, что пишут смс таким дворовым сленгом: «Да кто ты вообще такой, что за ерундой занимаешься», записываю и отправляю в ответ голосовое сообщение: «Уважаемый! Держите себя в рамках, вы пишете главе Коми». Кто-то после этого просто выпадает из переписки, кто-то начинает извиняться, а потом уже идет нормальный диалог. У меня уже набралось порядка пятидесяти таких любимых абонентов, которые регулярно по какому-то поводу обращаются: то снег не убран, то лекарства в аптеке нет, то ребенку места в соседней школе не дают. Многие пишут, что боятся называть свои настоящие имя и фамилию, вдруг потом как-то на работе отразится. Поэтому в телефонной книге некоторые записаны, допустим, как «Повар, детский сад, Усть-Цилемский район». К вечеру скапливается не один десяток, иногда и сотня сообщений. Днем я отвечать не могу, график плотный, вечером начинаю разгребать, иногда до ночи сижу. Бывало так, даю ответ, что-то уточняю – а в ответ тишина. Смотрю на часы – первый час ночи, люди спят уже.

Я из этой «прямой линии» много узнаю такого, о чем потом рассказываю своим подчиненным, а они удивляются: «А вы откуда это взяли?». Да от конкретного человека с конкретной проблемой. Мне многие коллеги-губернаторы говорят, что я размениваюсь по мелочам, и что КПД от этого низкий. Кто-то подобное начинал, но забросил, поскольку толку никакого. Но я считаю, если в течение года ты улучшил условия жизни конкретного человека – это результат. Бывает, что вопросы очень сложные, быстро не решить, например, с программой переселения, когда люди в ней стоят десятилетиями. Но ищем возможности, и есть положительные примеры, когда вопрос решился. Например, был случай, когда очереднику помогли с оформлением льготной ипотеки. Или другой пример, не из телефонного, но личного общения: подошла ко мне в Инте беременная женщина, многодетная мама, у которой уже десять детей было, жили в трехкомнатной квартире. В результате мы осенью 2021 года приняли законное решение – семьям, где десять и более детей, выделять средства на улучшение жилищных условий. Уже выделили порядка 20 миллионов на три семьи, а всего у нас таких семей 11. То есть обращение конкретного человека дало повод задуматься, проанализировать ситуацию и найти решение.

– Вам и звонят, и смс пишут, и голосовые отправляют. Какой вариант связи предпочтительней?

– На звонки сначала пробовал отвечать, но быстро понял, что это бесполезно. Люди теряются, говорят очень много, а сути нет. Сейчас на звонки не отвечаю, сразу отправляю смс с просьбой изложить ситуацию в сообщении. Так проще суть выхватить, даже если сообщение большое. Иначе теряешь очень много времени.

– А бывают ли случаи, когда обращаются не с проблемой, а, например, с праздником поздравить?

– С 23 февраля очень многие поздравили, с Новым годом. Многие пишут, чтобы поблагодарить, когда проблема решена. А нередко: «Спасибо, что помогли, мы не верили, что это возможно, но вот у нас есть еще вопрос...». И выгружают целый воз проблем. Ну, ладно, давайте ваш воз, будем разбирать по полешку.

– Многие публичные выступления вы начинаете с приветствия на коми, выучили несколько местных поговорок, устойчивых выражений. Планируете совершенствовать знание коми языка до уровня разговорного?

– У меня недавно спрашивали, какую я книгу сейчас читаю. К сожалению, у меня чтение книг закончилось по приезду в республику, потому что такого ритма работы, как здесь, у меня давно не было. А изучение любого языка – это систематические занятия, хотя бы по часу-два в день. Пока я, к сожалению, просто не могу себе этого позволить. Конечно, приветствие, благодарность, прощение, интересную поговорку я стараюсь вставить в выступление. Это демонстрирует уважение к коми языку, коми народу. Но для меня важно произношение, правильная интонация, понимание, о чем идет речь. Так что лучше сказать мало, но хорошо, чем заучивать длинные фразы, не понимая их смысла.

– Когда вы прибыли, в регионе началось достаточно активное дооснащение больниц, поликлиник дорогостоящей техникой, в том числе аппаратами ИВЛ. Понятно, что происходило это на тот момент во многом не от хорошей жизни, а по необходимости, из-за ковида. Поэтому сейчас у жителей региона есть опасение, что как только завершится пандемия, о нуждах здравоохранения позабудут. Каковы планы на будущее в этой сфере?

– С 2021 года в республике реализуется программа модернизации первичного звена здравоохранения, и работа по этому направлению будет продолжена. Это федеральный нацпроект, который с ковидом никак не связан. В прошлом году в его рамках приобретено 119 единиц автомобильного транспорта и 245 единиц медицинского оборудования, которое направлено, в том числе в отдаленные населенные пункты. В нынешнем году планируется приобрести 205 единиц оборудования. Уже заключен контракт на приобретение четырех компьютерных томографов для Сосногорска, Ижмы, Усинска, Печоры, маммографа для Сосногорска, двух флюорографов для Сосногорска и Ижмы. Также приобретем два модульных ФАПа для села Лэзым и деревни Красная в Сыктывдинском районе.

До 2025 года у нас должны быть построены восемь объектов – лечебные корпуса в селах Усть-Цильма и Визинга, поликлиники в поселке Каджером и селе Усть-Кулом, амбулатории в селе Усть-Вымь и поселках Вухтым, Подзь, стационар в поселке Щельяюр. Также планируется приобрести модульные конструкции для 57 ФАПов и смонтировать их.

Что важно, вопрос стоит не только о том, что у нас должны появиться новые фельдшерско-акушерские пункты, больницы и прочее. Нужно обеспечить их специалистами. На сегодня у нас в республике не хватает порядка 600 человек среднего медицинского персонала и практически столько же врачей. И львиная доля вакансий – до 90 процентов – именно в первичном звене.

Так что, ставя новый ФАП, мы параллельно решаем вопрос, чтобы там были медсестра и фельдшер. А не так, как сейчас бывает, когда медработники приезжают в этот ФАП раз в неделю из соседнего села. Но не всегда это удается, несмотря на все серьезные меры поддержки, которые сегодня есть. Человек заканчивает медицинский факультет и видит массу вакансий, в том числе и в столичных городах. Видит, например, что, работая врачом скорой помощи в Москве, Екатеринбурге, Кирове, он будет зарабатывать столько, что ему хватит на съем квартиры и на жизнь. И когда ему предлагают поехать в село, куда нужно летом по грунтовке и на пароме добираться, а зимой по зимнику, он сразу прикидывает, как он будет оттуда выбираться, условно говоря, в театр оперы и балета. Да практически никак. А в городе – все возможности.

На ближайшем Госсовете России у президента страны я обязательно возьму слово с предложением возвращения тех хороших инструментов, что были в советское время – на какой-то период вернуть распределение для выпускников медицинских вузов, создать инфраструктуру для молодых специалистов. Чтобы специалист приезжал в нормальное, новое или отремонтированное жилье и знал, что если он заведет семью, то для его детей в селе есть садик и школа. А еще лучше возродить забытый механизм, когда мы из сел набирали ребят на рабфак. Понятно, что не вина сельского выпускника, что у него уровень знаний, баллов по ЕГЭ ниже, чем у городского. Нужно дать ему шанс – в течение дополнительного года подтянуть его по профильным предметам, которые ему понадобятся на первом-втором курсе, а дальше он сам справится. С таким выпускником подписывается договор, что он обязательно вернется в село. Но подчеркиваю, он должен по возвращении получить собственное жилье, а не так, как у нас сейчас рассуждают – зачем ему квартира, если у него в селе папа и мама, пусть у них живет.

У нас сейчас парадокс, причины которого я пока понять не могу: молодые учителя в деревню едут, а медработники – нет. Хотя и там, и там высшее образование.

– А как обстоят дела со строительством 19 ФАПов, которые должны были ввести в строй еще в позапрошлом году?

– С этим проблема. Перенесли их сдачу на 2021 год и снова эту историю прокатили, причин, почему это произошло – масса. Наконец, в этом году восемь из этих многострадальных ФАПов сдали, одиннадцать – в разной степени готовности. Дело в том, что конкурсные процедуры на строительство подобных объектов несут в себе множество подводных камней. И нередко приходит на аукцион компания, которая заведомо знает, что она не будет ничего строить, ей нужны авансы, подъемные средства, чтобы вложить их в другие объекты. Получаются такие пирамиды. И вот в случае с этими ФАПами мы налетели на одного такого исполнителя. Сейчас контракты с ним расторгли, но это тоже непростая процедура, получается, что закон очень сильно защищает исполнителя и гораздо слабее – заказчика. У заказчика, то есть республики, всегда меньше оснований расторгнуть контракт, чем у подрядчика. По 11 оставшимся ФАПам у нас по трем контракты расторгнуты, по остальным давим исполнителя, чтобы он выполнил свои обязательства. К сожалению, и здесь все не так просто. К концу года мы все ФАПы должны сдать, но отставание у нас два года.

Сейчас появилась возможность заключать договоры с единым поставщиком услуг. И мы, делая выбор, можем руководствоваться тем, что это проверенный подрядчик, что он уже выполнял работы и не подвел. Но и ответственность за этот выбор мы тогда будем нести сами.

Стоит учитывать, что тот, кто сейчас приходит строить – под большим риском, стройматериалы сильно дорожают, контракт заключается на одну сумму, а конечная стоимость работ может быть уже другой. На федеральном уровне введен целый ряд компенсационных норм, но иногда рост настолько быстрый, что приходится дополнительно обращаться в Минстрой России за подтверждением, что цены действительно поднялись. А стройка в это время стоит. Закупать материалы в кредит? Сейчас ставка Центробанка слишком высокая, расходы не отобьются. Мне кажется, эту ставку сейчас, наоборот, нужно уронить до одного процента. Тогда подрядчики получили бы возможность выгодно кредитоваться, быстро закупать материалы, пока они не подорожали, чтобы не затягивать строительство. У нас тогда такой был бы подъем по стройкам!

– По количеству недобросовестных охотников на дешевые кредиты тоже был бы подъем.

– Да, здесь нужно будет вводить очень жесткие меры преследования, чтобы не было таких заемщиков. Но в любом случае это лучше, чем сейчас, когда ставка 20 процентов, и никто к этим кредитам просто не подходит. И мы опять получаем стагнацию на стройках.

– Стагнация, замершие стройки у нас уже были в первый год пандемии. Насколько сложно тогда было решать вопросы с «законсервированными» социально значимыми объектами?

– У нас еще до пандемии было несколько таких объектов с долгой историей. Когда я пришел на работу, мы поменяли очень много подрядчиков по самым тяжелым объектам, особенно долгостроям на селе. Подключили наших социальных партнеров – «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Лузалес», «Монди СЛПК», всем им хочу выразить искренние слова благодарности.

Довольно сложно, тоже через замену подрядчика, сдавали школу в Орбите на 1200 мест. По каждому долгострою, так или иначе, нашли решение. В 2020 году завершили 25 таких объектов «с бородой», в 2021-м – 18. В том числе очень большие проекты – школы, дороги, работы по газификации, реконструкция республиканского стадиона.

Но сейчас некоторые новые объекты вышли на тот же заколдованный круг. Как республиканская инфекционная больница, например. Там в конструктивных элементах очень большое количество металла, а он заметно подорожал. И подрядчик столкнулся с тем, что нужно делать новую смету, новую экспертизу, а это занимает время. У него просто нервы сдали, решил, что не вытянет. Хотя на федеральном уровне были заявлены меры поддержки по таким объектам, иначе они начнут уходить в долгострой. И сейчас мы на пороге расторжения контракта. Насильно подрядчика на стройке мы оставить не можем. Кирпичные объекты сейчас нормально строятся, а вот с железобетонными – проблемы. Сейчас нужно максимально быстро найти нового исполнителя на «инфекционку», переоценить контракт.

– Про санаторий «Серегово» в нынешних реалиях и спрашивать страшно.

– Про «Серегово» можно и нужно спрашивать, это очень знаковый, дорогостоящий объект. Его основная проблема в том, что строился он без проектно-сметной документации, прошедшей экспертизу, кусками, по отдельным чертежам. На штабе у заместителя председателя правительства России Марата Хуснуллина мы поднимали этот вопрос. В других регионах тоже есть сотни подобных объектов. Общая их стоимость – триллионы рублей. Они в высокой степени готовности, но нет ПСД, разрешения на строительство. И никто из контрольно-надзорных органов не поставит подпись под документом о его приемке. Что если завтра туда занесут мебель, оборудование, зайдут люди, нагрузка увеличится и здание обрушится? Выход такой: нужно узаконить все эти корпуса и заходить с исследованиями, экспертизой по готовому зданию, чтобы доказать, что несущие конструкции выдержат плановые нагрузки. Это большая работа и обойтись она может в сотни миллионов. Но оно того стоит, ведь в санаторий вложен уже не один миллиард. Затем нужно провести работу по устранению замечаний и сдавать объект. Сейчас мы ждем, что будет федеральное постановление, где распишут шаг за шагом, что надо делать по таким объектам, кто это будет делать.

– Если бы вы имели возможность вернуться на два года назад, что бы вы посоветовали себе самому образца 2020 года, что бы изменили?

– Ох, неблагодарное дело, поскольку задним умом мы все сильны. Наверное, уже не имеет смысла оглядываться на то, что

было два года назад, нужно решать сегодняшние задачи. 2020-й год, конечно, для меня был особенным временем – все вперемешку. Назначение, наводнение, пандемия, нехватка средств индивидуальной защиты для населения и медиков, отсутствие понимания, что будет дальше. Но, несмотря ни на что, все потихоньку выправилось.

Два года назад и я был другой, и люди, и настроения другие. Не было специальной военной операции. Сегодня мы на многое смотрим совсем под другим углом. И требования к себе должны ставить более жесткие. Сегодня нам нужно сохранить производство, рабочие места, не допустить потери налогов, иначе мы придем к стагнации и хаосу.

Два года назад мы переживали по поводу проблем с бюджетом, но даже подумать не могли, что может возникнуть такая ситуация, что у нас будет проблема со сбытом продукции – досок, пеллет. Мы считали, что у нас их всегда с руками заберут. У нас до 85 процентов лесопроизводства уходило на экспорт. Сейчас мы ставим задачу перевода наших котельных на биотопливо, можем перевести на пеллеты или брикеты порядка 60 котельных, которые работают на мазуте и угле. Тем самым мы заберем у наших производителей порядка 39 тысяч тонн продукции в год. А они сегодня производят порядка 100 тысяч тонн биотоплива, в основном это экспортная продукция. Чтобы решить вопрос сбыта, нам нужно еще порядка 120 котельных перевести на биотопливо.

– Но ведь на экспорт продукцию было выгоднее отдавать, там цены выше. Согласятся ли производители?

– По ценам сейчас планки у производителя трансформируются вниз. Потому что, когда у тебя есть сбыт, ты всегда маржу можешь поднимать. Главное, чтобы покупатель брал. А если сбыта нет, можно немного по марже и просесть. Главное, чтобы не ниже точки рентабельности, зато уйти на длинный контракт, на 10 лет и более, что мы сегодня и предлагаем производителям пеллет и брикетов. Главное, что перспективы у производства будут, рабочие места сохранятся.

Кроме пеллет такой же выход мы предлагаем по производству домокомплектов – работать на внутренний рынок. С правительством России обсуждаем вопрос о том, какая цена будет приемлемой за квадратный метр. Наши лесопереработчики могут не доску гнать в Европу или Америку, а делать из нее домокомплекты из клееного бруса для строительства экологически чистых домов для переселения из ветхого и аварийного жилья. Такие дома будут востребованы в сейсмически опасных регионах – на Курилах, в Сахалине. Деревянные низкоэтажные дома к землетрясениям гораздо устойчивее, чем кирпичные.

Сейчас появляются возможности реализовать на внутреннем рынке то, к чему вчера даже и подходов не было. Дерево, как стройматериал, сейчас не так выросло в цене, как бетон и кирпич.

– А какие меры сейчас будут приниматься для обеспечения продовольственной безопасности региона?

– Здесь у нас хорошие амбиции и достаточно понимания, сколько у нас есть средств для поддержки сельхозпроизводителя. Это касается и производства молока с мясом, и растениеводства – выращивания картофеля, в первую очередь. Он у нас районированный, хорошо растущий, дающий хороший урожай. Мы дополнительно наращиваем поддержку агропроизводителей, чтобы продовольственная безопасность не нарушилась.

Вы видите, что есть попытки дестабилизировать продовольственный рынок. Он очень чуткий, потому что человек генетически боится войны и голода. И вот возникает слух, что этого продукта завтра не будет, и его буквально с рынка смывает. Да куда эти сахар с гречкой не денутся. Но вот эта чувствительная кнопка – «ты будешь голодать, дети твои будут голодать» – уже нажата. И люди начинают сметать продукты. Ответ у каждого региона на это свой, Кубань на это должна ответить ростом производства зерновых, сахарной свеклы, а мы – производством мяса, молока, картофеля, чтобы кормить не только себя, но и продавать.

Конечно, мы будем поддерживать аграриев. Для примера: сейчас наш минсельхоз уже заключил 277 соглашений с сельхозтоваропроизводителями для предоставления государственной поддержки. На текущую дату до товаропроизводителей доведено 286 миллионов рублей. Дополнительно в этом году в бюджете республики на условиях софинансирования предусмотрено 19,7 миллиона рублей для предприятий хлебопечения на возмещение затрат.

В этом году мы увеличили объем поддержки аграриев на 220 миллионов рублей. Это одна пятая часть от общей поддержки сельхозотрасли за весь год. В частности, в два раза выросла господдержка на приобретение семян.

– Насколько, на ваш взгляд, эффективен план первоочередных мер по обеспечению развития экономики Республики Коми?

– Отвечу так: он эффективен на сегодняшний день. Как любой план он не может быть статичным. Постоянно дорабатывается, он очень оперативный. Возникают новые вопросы, новые проблемы, мы ищем пути их решения. Работаем с заявками, которые отработываем в режиме их поступления 24/7. Выносим вопросы на федеральный штаб, который работает в таком же режиме. Сейчас мы не прогнозируем возникновения какой-либо серьезной проблемы. На сегодняшний день мы видим, что какие-то сбои могут быть только по семи из 147 предприятий. В основном эти сбои могут быть связаны с тем, что не срабатывает логистика по своевременной поставке того или иного сырья, нарушается сбыт. Соответственно, может возникнуть неполная занятость, сокращение производства. И мы должны спрогнозировать развитие такой ситуации, профилировать ее. Временно трудоустроить людей на другое место. Запас прочности у нас в этом плане большой – 5,6 тысячи безработных при 12 тысячах вакансий. Понятно, что вектор здесь смещен: безработные в основном на селе, а работа в городе, отработываем варианты, например, вывозить сельчан на работу в город вахтами. Конечно, это не панацея, нужно развивать производство на селе. И сейчас у нас в деревнях постоянно открываются фермы, где-то на 100, где-то на 150 голов скота, которые требуют рабочих рук.

Кроме того, в региональном бюджете мы заложили 195 миллионов рублей на переобучение тех, кто остается без работы. Две тысячи человек мы готовы переучить, дать им специальности по актуальным вакансиям.

То есть запас прочности у нас неплохой. Представители недружественных стран полагали, что вводимые санкции породят обвал экономики, безработицу, глобальное недовольство. Но у нас идет другое: люди, страна сконцентрировались на проблеме и решают ее. Не будут у нас покупать те же пеллеты? Не вопрос. Найдем им применение внутри страны. И это сработает только на усиление экономики.

Но ведь и с той стороны в такой ситуации возникает нарушение логистических цепочек. Если люди раньше покупали у нас топливо, чем они сейчас его заменят? Чем заменят наш газ? Все эти санкции, я подозреваю, до первой холодной зимы.

– **Насколько, на ваш взгляд, эффективной для экономики Коми может стать реализация стратегии развития Арктической зоны? И почему пока не пользуется особым спросом арктический гектар в нашем регионе?**

– Мы очень рады, что на федеральном уровне состоялось это решение, и не только Воркута, но и Инта, Усинск, Усть-Цилемский район стали сухопутными Арктическими зонами. Это дает совершенно иной подход к инвестициям. Резидент Арктической зоны сегодня – король по сравнению с таким же бизнесменом на другой территории в плане налогов. Федеральные налоговые преференции просто гигантские, и республиканские идут с ними в унисон. Это дает колоссальные возможности. До того, как та же Инта стала Арктической зоной, мы и мечтать не могли, чтобы туда пришел инвестор, который организует такое производство, как завод карбидов и ферросплавов. А такая продукция нам нужна как воздух, поскольку до сих пор 90 процентов ферросплавов завозилось из-за рубежа. И производство железобетонных изделий тоже очень важная история в свете планирующегося строительства железной дороги от Сосногорска до Индиги, которое потребует огромного количества шпал из железобетона, материалов для объектов обслуживания железной дороги.

Так что стратегия развития Арктической зоны, несомненно, очень эффективна для экономики Коми. Я думаю, единственная причина, по которой мы пока не видим колоссального прорыва в этой сфере – сложности с транспортной инфраструктурой. Все-таки Воркута, Инта, Усинск – это только железная дорога. Отсутствие автодороги – сдерживающий фактор для любого инвестора. По Усинску понимание по решению этого вопроса уже есть – по трассе на Нарьян-Мар. По Инте улучшит ситуацию Северный широтный ход, железнодорожные пути уже не будут в одну нитку, снизятся тарифы на перевозки.

По арктическому гектару ситуация схожая. Первые полгода были ограничения, участок могли получить только те, кто зарегистрирован в Воркуте, Инте, Усинске или Усть-Цилемском районе. А сейчас история совсем другая, заявок стало в разы больше, и это будет только нарастать. На 22 марта поступило 52 заявления на 27 участков, заключено 11 договоров безвозмездного пользования.

Арктический гектар – это колоссальная возможность для развития внутреннего туризма. У людей есть потребность в агротуризме, даже на селе дети иногда не знают, как коровы доятся. В одном из сел познакомился с педагогом, которая к себе детей водит посмотреть на коров, потому что никто их больше не держит, школьники не знают, откуда молоко берется. Горожанам интересен отдых на природе, сбор дикоросов. Но для поездок в деревню должны быть хорошие условия, чтобы дом нормальный, душ, туалет не на улице. В Усть-Цилемском районе можно успешно развивать это направление. Главное, маркетинг организовать и дать помощь тому, кто готов строить такие гостевые дома, может скооперироваться с фермерами. И в Воркуте, и в Инте можно развивать туризм для тех, кто хочет посмотреть на полярный день или полярную ночь, сходить на охоту, рыбалку.

– **Все вами вышесказанное зиждется на том, что и промышленники, и аграрии, и организаторы сельского туризма будут получать господдержку. А она не прекратится в нынешних непростых экономических условиях? Социальные гарантии будут исполняться?**

– Я считаю, что президент России на этот вопрос ответил однозначно, когда сказал в своем выступлении, что меры господдержки будут не уменьшаться, а увеличиваться.

Удивительная история: мы, живя в стране, в которой есть все, боимся, что у нас не будет денег. У нас есть внутренний

валовый продукт, производство зерна, мясо-молочной продукции, пиломатериалов. Куда это все денется, если все это потребляет внутренний рынок в огромных количествах? Рубль обеспечен золотом, нефтью, газом, сельхозпродукцией. Да, нет внешней долларовой выручки, но доллар – это бумажка по сравнению с рублем.

– Люди вспоминают 90-е, когда была и промышленность, и сельское хозяйство, а потом раз – и ничего. И невыплаты зарплат бюджетникам.

– Тогда все начали смотреть на доллар и рубль, переоценивать через доллар. Если бы в 90-х правители решились продавать наши ресурсы за рубли, такого обвала бы не было. А так нам начали давать якобы дешевые кредиты, которые были совсем не дешевы, скупать у нас сырье за доллары, цена была привязана к какому-то мифическому курсу. Вырос внешнеэкономический долг, мы попали в зависимость, которую расхлебывали до недавнего времени. На санкции мы ответим дополнительным производством товаров, без которых им не обойтись.

– Ваша геополитическая позиция в плане всей России ясна, но каковы основные тезисы социально-экономического развития региона?

– В июле мы утвердили план диверсификации, это была первая ступенька по программе социально-экономического развития. В ноябре получили полную поддержку по этому направлению у Минэка России. Вы понимаете, что министр экономики не просто так двое суток провел в нашем регионе. По сути, он мне сказал, что, если мы готовы защитить план социально-экономического развития, и это не просто на бумаге, есть набор инструментов, он нас поддержит. Так и произошло, мы получили карт-бланш. На 10 января мы план сдали. Недавно пришло письмо от Татьяны Голиковой (заместитель председателя правительства России), что план принят, федеральные агентства отработывают свои замечания по нему. Она написала, что мы сделали хороший продукт, и мы идем по тому вектору, что был задан президентом страны. Самые главные направления для нас – решить инфраструктурные вопросы, в том числе с дорогами. Есть целый клубок проблем, который мы должны разругать: с Усинским водоводом, консервацией шахт и модернизацией водозабора в Инте, например. Большой блок занимают мероприятия по переселению. Если мы их реализуем в рамках этой программы, людям больше не придется ждать десятки лет своей очереди. Уверен, при поддержке федерального центра мы все эти проблемы решим.

– Как обстоят дела с инфраструктурными проектами, которые планируются к реализации в Коми?

– Два сыктывкарских проекта, на которые мы получили федеральную поддержку, ни в коем случае на «стоп» не поставлены. Напомню, это строительство жилого квартала с объектами социальной инфраструктуры и строительство завода по производству фанерных плит. Более того, нас ругают, что мы немного затянули с их реализацией. Сейчас исправляемся. Что касается нашего грандиозного проекта с особой экономической зоной «Север», то наш якорный инвестор – «Лузалес», конечно же, никуда не делся. «Аскона» тоже намеревалась войти в этот проект. У меня есть понимание, что по проектам мы идем совершенно нормально. Более того, нам на этот год выделяют дополнительные 2,8 миллиарда на расселение из ветхого и аварийного жилья. Наша задача сейчас – оформить заявку. Я не вижу пока никаких причин волноваться, что наши инфраструктурные проекты затормозятся. Наоборот, нас подгоняют, чтобы мы быстрее осваивали средства.

– В январе вы распустили правительство региона. Когда будет сформирован новый кабинет министров?

– Вопрос уже практически решен, основные кандидатуры внесены по всем министерствам. Правительство фактически сформировано, но по ряду министров проходят проверочные мероприятия.

– Перемен в правительстве, в таком случае, у нас немного, в основном знакомые персоны, которые просто переходят на другую карьерную ступеньку – из замов в министры, например.

– До утверждения Государственным Советом республики кандидатуры на пост первого заместителя председателя правительства Коми исполняет Эльмира Ахтямовна Ахмеева. Абсолютно новые люди в Минфине, Минприроды и Минцифры. К тому же, частично поменялось распределение полномочий у зампредов в правительстве. Например, блок Минфина и Минцифры от Эльмиры Ахтямовны ушел на зампреда в лице Владимира Казакова. Он же теперь отвечает за комитеты по закупкам и имуществу.

– На разных курсах по управлению учат, что руководитель должен в первую очередь уметь делегировать полномочия, распределять обязанности. У вас несколько иной стиль управления, временами возникает ощущение, что вы стремитесь «рулить» за министров.

– Делегирование полномочий работает, когда механизм управления уже выстроен, команда четко работает по алгоритму. Иначе это очень опасная история. Нужно четко знать, что человек понимает свою функцию и в мелочах отработывает на сто процентов. Нельзя сразу делегировать полномочия полностью, только уступами, частичками задачи. Даже при том, что люди остались те же, но задачи перед ними ставятся уже другие. Пока не поймешь, что команда, как в спорте, сыгралась. Сыгранности пока не произошло, на это нужно время.

– У нас было много руководителей разного уровня, которые жили на два региона, он здесь – семья там. Были случаи, что человек покидал пост, потому что семья не хотела жить в Коми. Как ваши родные отнеслись к переезду, прижились ли уже в республике?

– Проблема, в основном, была с переездом детей. Смена жительства, смена школы всегда сложна. Сейчас, я думаю, некая притирка уже произошла. Что касается того, что семья может жить отдельно – для нас вообще не было такого варианта, мы неразрывны. Если папа поехал работать в другой регион, понятно, что семья едет с папой.

– А обид в стиле «папа лишил нас Большого театра» не было?

– Я не лишил. В зимние каникулы в Москву съездили на «Щелкунчика», это у нас семейная традиция такая – посмотреть этот спектакль в новогодние праздники в Большом. Но это же не значит, что ради Большого театра они должны постоянно жить в Москве.

– А в Коми уже новые семейные традиции появились?

– Да, конечно. Если раньше по районам я ездил один, то теперь, если есть возможность, беру с собой жену и детей, чтобы показать им республику изнутри, интересные места и мероприятия. Ездили в Усть-Цильму, в Сысольский район. Недавно на выходные ездили в Ношуль в гостевой дом, там очень интересная экскурсионная программа. Погружение в историю села, его быт, традиции. Теперь еще присматриваю подобные туры выходного дня. Мне кажется, это очень познавательно.

– Могли бы вы оценить свою работу за последние два года, скажем, по пятибалльной шкале?

– Думаю, оценку в данном случае должны выставлять жители республики. Два года для меня – очень важный срок. Сколько за это время прожито, сколько было встреч, новой информации, у меня не то, что год за два, а за три и четыре шел. Было принято много очень трудных, но важных решений, которые нужно было принять, иначе мы бы потеряли целое направление. Как, например, было в ситуации с «Комиавиатрансом», когда мы вложили огромные деньги и рассчитались с долгом, который висел на республике. Тогда мне говорили, что лучше вложить средства во что-то другое. Но сегодня нам бы из этой истории так выйти бы не удалось, и мы бы потеряли региональную авиацию. Как бы мы сейчас полетели в тот же Мутный Материк во время разлива и за какие деньги? Насыщенные были годы. И очень важные. Но теперь я знаю, какие у нас есть возможности, чтобы двигаться вперед и развиваться. Уджалам водз?!

Беседовала Анна ПОТЕХИНА.
Фото предоставлены пресс-службой главы Коми.